

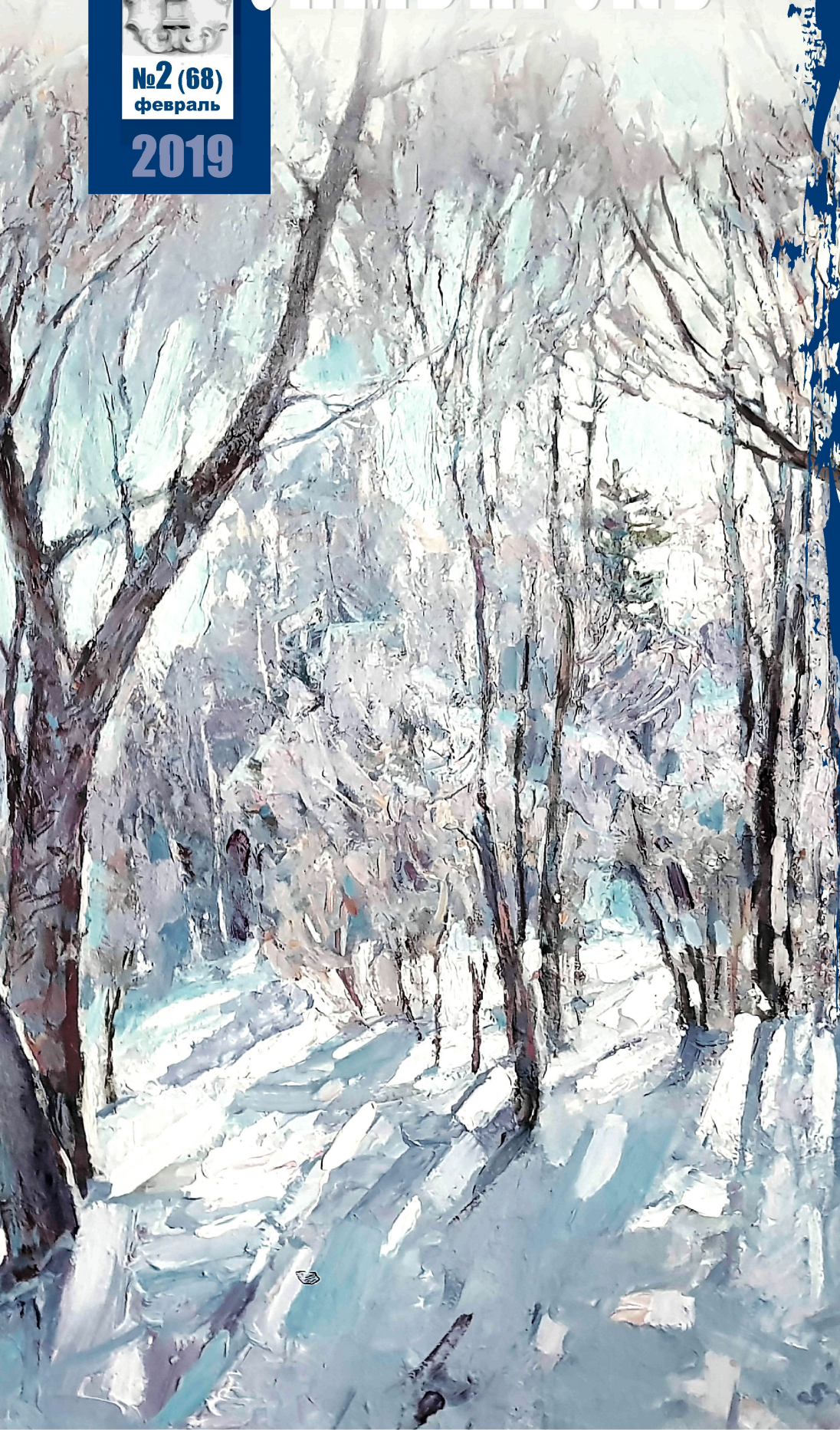
Литературный журнал

СИМБИРСЬ

12+

№2 (68)
февраль

2019

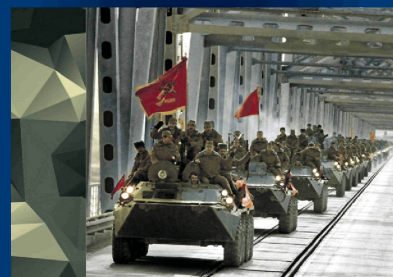
ПРОДОЛЖАЕТСЯ
досрочная подписка
на 2-е полугодие
2019 года

Индекс 54516

Цена подписки:
1 мес. - 91,61 руб.
6 мес. - 549,66 руб.

Ульяновской библиотеке
присвоено имя
Евгения Евтушенко *стр. 23*

«Афганистан горит
в моей душе...»
Ульяновские поэты
об Афганской войне *стр. 27-37*

Зимний фестиваль
верлибра в Ульяновске *стр. 56-60*

Легенда ульяновской сцены.
К юбилею Клары Шадько *стр. 80-84*

Содержание

«От сердца к сердцу весть идёт»	3
С любовью ко всему родному Евгений Сафронов. Помаево – село, которого нет. Повесть	4-17
Лариса Брюхович. Я прорвусь в XXI век.....	18-22
Присвоено имя поэта.	23
Гость Дмитрий Воденников. Стихи	24-26
Дороги памяти военной «Афганистан горит в моей душе...» Ульяновские поэты об афганской войне.....	27-37
Им посвящены стихи и песни. Памяти Владимира Муратова. Евгений Белянин (Гранд). Боевое братство	38
Ветер странствий Ольга Ронжина. «Два существа с одной душой...»	39-55
Свободные стихи Зимний фестиваль верлибра в Ульяновске.....	56
Вера Липатова. Верлибром говорим	57-60
Перекресток Сергей Гогин. О современной поэзии	61
Год театра За гуманизм в искусстве	62
Житейские истории Любовь Папета. Резеда. Рассказ.....	63-64
Память сердца Лилит Козлова. Миркина. Знакомство. Прощание	75-77
Зинаида Миркина. Ангел. Сказка	78-79
Юбилей Александр Филатов. Будьте любезны, Кларины Ивановна. (Кларины Шадько. Интервью разных лет).....	80-84
Сергей Николаев. Воспитание театром.....	85
Юбилейный календарь	86-88
Поэзия и проза юбиляров марта	89-96

Внимание! Теперь читать любимые издания стало возможным с монитора компьютера, экрана телефона и планшета! С марта 2017 года можно оформить не только почтовую, но и электронную подписку на газеты «Ульяновская правда», «Народная газета», «Чемпион» и журналы «Мономах», «Симбирск», «Сибирь». Подробности, цены и пошаговая инструкция на информационном портале ulpravda.ru. Электронная подписка – оперативно, современно, выгодно!

Оформить подписку с любого месяца

можно тремя способами:

- 1) Подпишитесь на почте и журнал принесут вам домой:
– цена на 1 мес. – 91,00 руб., индекс издания 54516.
- 2) Подпишитесь в редакции и заберите журнал сами по адресу: г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11; пр-т. Ленинского Комсомола, 41, ком. № 412 (Новый город).
(цена на 1 мес. – 60,00 руб);
г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107
(тел. 884(235) 3-26-49)
- 3) Подпишитесь через ООО «Урал-Пресс Поволжье»
(тел. 41-01-41)

Журнал «Симбирск» можно приобрести в киосках «Симбирская печать», Ленинского мемориала и в отделе распространения по адресу:
ул. Пушкинская, 11.

По всем вопросам подписки на журнал (в том числе альтернативной) можно проконсультироваться по телефону

41-04-32

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции. При перепечатке ссылка на «Симбирск» обязательна.

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89603693212

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Александра Белова
Ольга Даранова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.

Подписано в печать 20.02.2019 г.
Дата выхода 26.02.2019 г.
Тираж 700 экз. Заказ №131.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкирева, 27.

© Литературный журнал «СИБИРСКИЙ» №2 (68), 2019

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Валерия Толкачева, Ольга Абрамова.

На обложке: работа В.А. Таранова. Февральское солнце.
На обороте обложки: сцены из спектакля театра
Enfant-Terrible «Чудесные странники».

Евгений САФРОНОВ, кандидат филологических наук, член Союза писателей России, фольклорист.

Автор четырех книг, в том числе – «Ерошкин – предсказатель из Кувая» (Ульяновск, 2015), «Экспедиция. Бабушки офлайн» (Москва, 2018). За сборник «Ерошкин...» в 2016 году получил Международную литературную премию имени И.А. Гончарова.

Отдельные рассказы и повести публиковались в журналах «Симбирскъ», «Карамзинский сад», «Литерра Nova», сборниках «Отражения», «Первая роса», «Зеленая лампа 2.0», «Новый Венец», интернет-журналах «Пролог», «Иная реальность» и др.

Многие годы собирает сведения о людях, которые обладают необычными, сверхъестественными способностями. В художественной форме обобщает свои наблюдения, почерпнутые из встреч и интервью с реальными рассказчиками.

ПОМАЕВО – СЕЛО, КОТОРОГО НЕТ

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Мама еще с пятого класса, как только он этим увлекся, повторяла: «Стасик, ну зачем тебе эти монеты? Лучше бы ты за ум взялся и учился по-человечески! Тоже мне нумизмат!».

Стас с тех самых пор самого слова «нумизматика» на дух переносить не мог: оно почему-то напоминало ему о математике, которую тот не уважал с детства. «Стасик, алгебра и геометрия – основа основ! – эту пластинку его матушка в школьные годы тоже включала при первом удобном случае. – Какую бы профессию ты в будущем ни выбрал – математика всё равно пригодится!».

Бог мой, эти предки – сушие младенцы! Он преспокойно сдал три ЕГЭ (четвертый – на выбор) – и поступил на «Технологию и предпринимательство» в местный пед. И уже через полтора месяца стал звездой «Студенческой осени» в кавээновской команде «ТиПов»: раз плюнуть, как говорится. Там же, на КВН, он познакомился с Толяном, который учился на ест-гео.

«Ва-аще чумовая тема! Мы это дело отобьем за пару месяцев! – Толян впервые заговорил про поиск «всякого старья» в начале мая, когда на горизонте замаячила летняя сессия. – Меня в это дело камрад один втянул – типа копаря-поисковика был. Ему всё интересно было: черепа, котлы, шмотки солдатские. Но мне пофиг на это! Я ведь по монетам загоняюсь».

Толик предложил выкупить у одного своего камрада гудло́ и всю атрибуцию. Гудлом или металлоискателем – как оказалось, вещь незаменимую при поиске монет.

Тот день, когда они раскопали свою первую добычу, ему иногда даже снился. Металлоискатель запыкал, Стасик достал саперную лопатку и через пять минут извлек на свет Божий круглое металлическое чудо.

«Да это же пятачура – катка! Ну-ка, дай-ка, дай-ка! – Толян поковырял грязным ногтем монетку. – Точняк: катка, 1774 год. Повезло тебе. Дальше шагаем? Еще и не такое найдем, обещаю. Здесь же постоянный двор был раньше!».

Они копали на пустыре одного из сёл – километрах в десяти от города. Увезли к вечеру семнадцать монеток. В основном, попадались бутылочные алюминиевые пробки и советская мелочь, но добыли и две пятачуры: одну взял себе Толян, а другая по праву перекучевала в рюкзак Стасу.

«Одно плохо: люди постоянно шастают. Увидят нас с металлоискателем – ментам могут настучать. Надо искать по заброшкам, вот это ва-аще чумовая тема!» – просвещал его Толян, развалившись на заднем сидении рейсового автобуса, который вез их в сторону города, усеянного желтыми пятнами уличных фонарей. Именно тогда-то у них и созрел план о поездке в заброшенное село. Или, может быть, они придумали его позже... Да кто же сейчас разберется в этом после всего случившегося?

* * *

– Вон оно! Видишь, да? – Толян весь подался вперед и, приставив ладонь к бровям, стал вглядываться в отдаленные заросли.

– Чего там? – Стас привстал на цыпочки. – Изба?

– Не-е, – его друг покачал головой и поправил большой рюкзак за спиной. – Чё-то побольше. Деревянное вроде. Может, магазин. Или клуб. Но это точно помоевское, вот смотри...

Стас мельком глянул на экран смартфона, где светила раньше скачанная разноцветная карта местности, и вдруг почувствовал то самое – знакомое томительно-сладкое ощущение предстоящей охоты. Сотовой связи, кстати, здесь не было. Совсем.

– Здесь всё достанем? – он указал на рюкзак.

– Ты про гудло? Да можно и здесь, в принципе. Сейчас границы села уже не найдешь: всё травой поросло, одни кочки. Давай перекусим и начнем, ага?

Толян осторожно извлек прибор и закрепил насадку.

– Металлика хоть и бэушная, но хорошая, проверенная. Ни одной железки не пропустит, точно говорю.

Они примяли траву, которая местами доходила до пояса, и разложили на мягком зеленом ковре газету. Стас нарезал вареную колбасу крупными кусками.

– Здесь клёво, да? Село-то вышло-кончилось лет десять назад, а Википедия об этом знать не знает!.. – более опытный охотник хохотнул и взял еще один бутерброд. – Избы, наверное, успели растащить или сжечь. Но нам так даже лучше: фундаменты прощупаем – точно без улова не останемся. Тут еще одна деревенька была недалеко – Козловка, но там уж никаких следов не отыщешь.

Стас слушал его с уважением. Всё-таки его напарник в полевой нумизматике смыслит куда больше: каких только старинных монет не перебивало в руках Толяна! Он и находил, и менял, и продавал их сотнями. А у Стасика была коллекция всего монет в семьдесят, ну и бумажных немного – червонцы да трешки дореволюционных времен. И это – за шесть лет собирательства!

По уверениям Толяна, он такую коллекцию мог за две удачных вылазки сострять. Неудивительно, что у его менее опытного товарища горели глаза и ноги сами порывались идти вперед – к таинственному высокому деревянному зданию, которое они увидели в зеленых зарослях.

* * *

Выцветшие одежды и лица святых едва проступали наверху – почти у самого купола бывшей церкви. Стас заметил, что у Христа, парившего над их головами, чья-то настырная рука выскоблила глаза, оставив вместо них два рваных углубления. Стены первого этажа были покрыты сложной вязью разномастных надписей – от признаний в любви, имён и дат до матерных слов и неприличных рисунков.

– Народное творчество, однако... – бормотал Стасик вполголоса, разглядывая граффити многочисленных визитеров. Юный нумизмат чувствовал себя немного странно – так, будто не он разглядывал стёршиеся лица подкупольных святых, а наоборот – внимательно рассматривали его. И всё никак не могли насмотреться.

– Кажись, тут вместо церкви кинотеатр раньше работал! – басом, как батюшка с амвона, провозгласил откуда-то сбоку старший охотник за монетами. – Вон видишь дыры в стене с двух сторон? Это для проектора. А вон на той – противоположной – стенке, наверно, экран висел.

– Наверное, – согласился Стас. – Клуб был. Это еще хорошо. А то могли и зернохранилище устроить.

– Тут нужно всё с металлоискателем облазить. Лучшего места для монеток, чем церковь бывшая, не найти! – сказал Толян и немедленно приступил к делу.

Они провозились в самом здании около часа; еще столько же потратили на поиски у высоких металлических ворот, задраенных наглухо, словно вход в подводную лодку. Когда-то церковь была раз-

делена на два яруса, но неумолимое время перекроило всё по-своему: пол второго этажа почти везде обрушился, оставив небольшие островки торчащих деревяшек и линолеума. Ступени теперь вели в никуда, и это друзей вполне устраивало: лезть наверх они не собирались.

Металлоискатель звенел, в основном, на железки – кованые гвозди, скобы и подобную, как выражался Толян, чернину.

– Я хоть и фильтры на металлик включил, а всё равно она реагирует на железяки. А нам медь и серебро нужнее.

Опытный нумизмат-охотник уже не раз ставлял своего напарника, как правильнее работать с гудлом. Если прибор издавал круглые звуки, то это точно означает удачу.

– Вот водишь из стороны в сторону – если пикает ровнёхонько везде, то точно наткнулся на круглый предмет. Можно, конечно, и рубль бухарский выкопать, но есть шанс и нечто покрупче достать.

Бухарским рублем Толян называл алюминиевые пробки с водочных бутылок, которые были в ходу в советскую эпоху и в начале 90-х годов.

Поиски рядом с бывшей церковью ничего особенного не принесли: саперная лопатка извлекла на свет Божий лишь несколько копеек времен полета Гагарина в космос. Зато под ступенями полуразрушенного крыльца помаевского клуба металлоискатель обнаружил целое скопление каких-то круглых предметов.

– Это любопытно... – протянул Толян. – Здесь покопать надо основательнее, но для начала придется крыльцо доломать. Давай на завтра это оставим. Сегодня надо пробежаться по всему селу и заочевать поискать где.

На плече Стаса болталась скрученная в тугую сосиску небольшая палатка, которая должна была послужить им пристанищем на ночь. Друзья побрели от церкви в сторону пригорка, продираясь сквозь заросли разномастных колючек и сушняка.

– Тут, по логике, где-то кладбище должно быть, – рассуждал Толян, который плелся первым. – Но, может, и не осталось уж ничего.

От холма по левую руку располагались бескрайние кувайские леса. С правого бока виднелись заброшенные поля. Самое интересное было впереди: зеленело-белело плотное скопление берез и других деревьев, которые, скорее всего, скрывали кладбище, и – главное – в полукилометре от наблюдателей серела крыша уцелевшей избы исчезнувшего села.

– Вот это круто! – выдохнул Стас. – Дом остался! Полазаем там?

– А то! – заулыбался старший. – Зря мы, что ли, сюда припёрлись? Наверняка найдем что-нибудь этакое...

Вечерело. Они ускорили шаги. Если бы кто-то вдруг приподнял Стаса на высоту парящего квадрокоптера, он увидел бы расходящийся, разбегающийся в разные стороны рисунок улиц исчезнувшего Помаево. Над фундаментами изб цвет травы неуловимо менялся, приходил в какое-то неистовство, переливался оттенками чужого, инопланетного изумруда. Время от времени попадались заросли старой, слегка пожелтевшей крапивы; сухие столбики прошлогодних колючек сцеплялись с их молодыми, свежими братьями; на самом нижнем ярусе пробивалась своя, особая, желто-коричневая травяная жизнь, в которой протаптывали незаметные тропки чугунные ножки муравьев и красных солдатиков. С широких крон прицерковных деревьев, которые остались позади, недобро каркали вороны. Прямо над головой в темнеющем небе зависла небольшая птичка, своими переливами настраивающая всё село на вечерний лад.

Вокруг избы сохранился местами забор, а за ним друзья заметили окученную картошку.

– Во как! – сказал Толян. – Неожиданный номер. Неужели кто-то здесь еще живет?

Однако провалившийся шифер на крыше вроде бы говорил об обратном.

– Ну, чего? Посмотрим хату? – спросил старший и, не дожидаясь ответа, нырнул за угол дома, где находилась входная дверь. Замка не было, на полу в сенцах валялись старые газеты, погнутая крышка от алюминиевой кастрюли, старые цветные тряпки. Пол заскрипел под тяжестью Толяна, за ним в избу зашел его друг.

– Кто-то тут точно бывает, – послышался через минуту голос старшего, успевшего оглядеть три небольших захламленных комнаты избы. В одной из них в красном углу стояла икона, внутри, за стеклом, украшенная серебряной фольгой.

– Как думаешь: имеет она какую-нибудь ценность? – спросил Толян подошедшего Стаса. Старший снял изображение Божьей Матери с угловой полочки и пытался рукавом стереть толстый слой пыли со стекла.

– Не знаю, – ответил юный нумизмат и отвел глаза в сторону. – Лучше, наверно, на место поставить...

– Да я так просто. Мне на картинке плевать, я монеты собираю, – хмыкнул старший и положил икону на растрескавшийся подоконник. – О, смотри: какие-то рогатки висят! Возле печки – видал?

Рядом с хорошо сохранившейся побелённой печкой на стеном крючке действительно висело собрание крючковатых палок, напоминавших большие рогатки.

– Зачем такие, не знай? – спросил Толян, он уже заскучал, стал позевывать и чесать левую руку. – Чё, пойдем? Нет тут ничего. Монеты тут тоже бесполезно искать. Лучше бы найти место бывшего магази-

Церковь в Помаево – единственное уцелевшее здание села.
Фото 2010 г.

на: вот там наверняка попадется что-нибудь. И по фундаментам домов пошариться. Но это завтра. Где ночевать-то будем?

Удобное место для ночлега они нашли недалеко от церкви рядом с мелкой, но широкой речкой, на противоположном берегу которой сквозь осоку и камыш проступали черные развалины то ли сарая, то ли бани.

– Тут вот под пригорком костер разожжем, а вон там палатку поставим, – распорядился старший. Они стали возиться с установкой палатки, а затем Толян отослал друга за дровами.

– Иди вдоль берега: там должны быть дровишки. А я пока бутеров нам настроаю.

Совсем стемнело. Стас, подсвечивая себе смартфоном под ноги, побрел вниз по течению. Воздух заметно посвежел; хотелось уже глядеть на костер, весело швыряющий искры вверх, жевать бутерброды и строить планы на завтра. Ему показалось, что нечто холодное вдруг коснулось его щиколотки, а затем ускользнуло куда-то вбок. Озноб волною прошелся по его спине, и студент заспешил дальше. Слава Богу, сухие ветки обнаружили всего через несколько шагов. Он схватил столько, сколько смог, и уже повернулся, чтобы идти обратно.

«Коля! Ко-оля-а!» – голос был женский. Его интонации были знакомы Стасу с детства: так звали ребенка, до вечера заигравшегося во дворе в песочнице. Студент замер и начал оглядываться по сторонам. Смартфон пришлось спрятать в карман, чтобы сподручнее было нести дрова. Глаза еще не привыкли к темноте, и он безуспешно пытался разглядеть силуэт кричавшей.

Всё также по-смолянскому чернел остов бани на противоположном берегу. Ночные птицы и насекомые неспешно играли свой обычный концерт. Нигде ничего не двигалось и не шевелилось. Стас слотнул ком, застрявший в горле, и почти побежал к палатке.

– О! Я же говорил: найдешь. Я еще днем этот бутерелом приметил. Щас у нас костерок будет, – Толян принялся об колена ломать сухие ветки. – Шашлык, наверно, на потом оставим – не пропадет мясо, как думаешь?

Стас замотал головой, а потом присел на корточки.

– Ты чего какой?

– Толь, ты ничего не слышал?

– В смысле? – старший уже чиркал спичкой, тоже приземлившись на корточки возле сложенных вигвамом дровами.

– Голос... Крик женский.

– Женский? – костер разгорелся с первого раза. – Да ты чё? Откуда тут? Хотя, может, с Паркино кто? Наверное, ветер звуки донёс – такое бывает. До Паркино тут несколько километров по прямой, если полями идти. Там, в принципе, много народу еще живет.

– А-а! – Стас с облегчением выдохнул и сразу же согласился с объяснением друга. – Точняк... А я уж тут... напугался немного.

– Ба! Ну-ка, ну-ка... Видал, что ты приволок вместе с дровишками? – старший напарник держал в руках нечто черное, похожее на оплавленный толстый пакет.

– Что это?

– Похоже на кожу змеиную. Они ее сбрасывают, обновляют гардероб, так сказать. Вот только не знаю: ужики тут ползают или кто посерьезнее. Надо бы палаточку-то на ночь поплотнее закрывать. Да... А кожу лучше сжечь! – и Толян подарил находку языкам костра.

Стас смотрел, как та быстро сморщивается, и думал о женском голосе, который звал неведомого Колю.

Глава 2

– Ну что, порядок? – машинист всматривался в лобовое стекло, по которому струилась дождевая вода. Бегущие навстречу рельсы вытягивались и слегка подрагивали, преобразенные влажной стекольной границей.

– Да вроде да. Ни черта ведь не видно, дядь Коля! – Петька вернулся на прежнее место, с которого он вскочил, когда заметил встречный товарняк.

– Всё в штатном режиме! – сказал старший в черную раацию, и та пробурчала ему в ответ что-то благодарно-неразборчивое. Помощник Петька слегка расслабился: это был его седьмой самостоятельный выезд, и четвертый – с таким аксакалом железных дорог, как Федорыч. Больше всего его напрягала обязанность вскакивать, как только на горизонте маячила встреча. Он до рези в глазах всматривался в проносящиеся вагоны, боясь пропустить заискрение либо какую-нибудь другую беду.

– Тут взаимная помощь, Петр, никуда от этого не денешься: мы смотрим их вагоны, они – наши. Знаешь, сколько раз спасал жизни такой обычай? Бессчетно! – наставлял его старший, и Петька, вздохнув, кивал головой: надо так надо.

По слухам, Федорыч работал на «железке» уже лет сорок – старше его на всей Куйбышевской железной дороге, наверно, никого не было. Он водил и пассажирские, и маневровые, лет десять отпахал на электровозе, но родной считал все-таки дизельную вторую ТЭМ-ку. Два года назад его пересадили на пригородный, и старый машинист относился к этому как к личной трагедии.

– Пора, пора мне, Петр, закругляться! – любил повторять Николай, когда они вставали на светофорах или на долгих станциях. – Вот тебя обучу – и баста, карапузики. Поеду в свою деревню: заждалось меня Помаево родное!

Про «Помаево родное» Петька знал, казалось, всё, потому что Федорыч любил поговорить на эту тему. Три брата-основателя, знахарь Борькай, Белое озеро, клуб в здании бывшей церкви и... охота.

– Охота, Петр! Знаешь, какие там леса? Кувайская тайга – слышал такое? Наши старики говорили, что раньше даже на медведей напороться можно было. А кабанов-то я сам видал – неоднократно. Но, в основном, я на зайца и вальдшнепа хожу. Лисиц и волков трогаю редко: а на черта они мне?

Федорыч в последний раз был в своем родном селе в конце июня. Пытался поправить прохудившуюся крышу, даже посадил картошки немного в огороде. Земли теперь свободной было – хоть чемпионат мира по футболу проводи. Во всём селе больше изб не осталось: кто-то сам вывез на сруб, остальные дома либо сгорели, либо пали жертвой мародеров.

– Сволочи – те всегда найдутся, не пропадут, – сетовал Николай: он всегда так называл тех, кто, словно падальщики, нападали на еще не остывший труп его Помаева. – Ведь в 1995 году там жизнь ключом била! Верить, нет? И эМТээС, и кузница, и детсад, и магазины – всё было. А сейчас – ничегошеньки не осталось. Жалко, как же жалко...

И Петька в эти моменты замечал, что вода струится не только по лобовому стеклу их локомотива.

* * *

В следующую смену аксакал железной дороги пришел мрачнее тучи. Буркнул что-то Петьке вместо обычного приветствия и отправился проверять оборудование после предыдущей бригады.

Помощник испробовал все известные ему способы разговорить старого машиниста. Применил даже запрещенное оружие: упомянул про Помаева. Но на Федорыча такой прием оказал обратный ход: он поскукнел еще больше.

Они проехали несколько станций в полном молчании, и Петьке самому отчего-то стало так грустно, что захотелось стонать-выть, словно испорченный паровозный гудок.

– Смотри, Петр, смотри внимательно! – вдруг произнес машинист. Помощник вздрогнул от неожиданности и стал пялиться изо всех сил в лобовое и боковые стекла. Облезлые рожицы с мелколистными деревьями сменялись полями; деревянные и бетонные столбы перебегали с места на место, спаянные волнами бесконечных черных проводов. Вроде бы всё как обычно.

– Чего смотреть-то? – наконец-то не выдержал молодой.

– А? – словно очнулся от полусна Федорыч. – Смотреть? А я тебе не рассказывал, что ли? Э-э, брат, тут место-то непростое, святое! Раньше, в незапамятные времена, стояла там железнодорожная будка – ну, домик небольшой, видел такие, наверно, где-нибудь? Так вот: жил в нем Саня-Лапоть, путейщик от Господа Бога. Сам маленький, с бородёнкой, волос светлый, глаза навывкате...

Все – и машинисты, и помощники, и кочегары (тогда и кочегары были!) – знали его, как облупленного. И не было такой бригады, которая хотя бы на пять минут не остановилась бы возле его будочки и не приняла бы «путевого». Понял, про что глаголю, Петр? Ага. Самогон у него был – как маточное молочко! Боже ж ты мой – ум отопьешь!

– Пили? И машинисты даже? – усомнился молодой.

– А то! Ну не надирались, как свиньи – это понятно. А так – граммов по сто хапнут святой водицы – и пошло-пошло-пошло!.. Это сейчас тебя проверками задолбают: туда дунь, сюда сплюнь. Проверальщики хреновы. Тогда люди другие были: сами за собой следить умели. А пять минут постоять в то время – нет проблем. График соблюдали как «Отче наш», ты не думай. Но мимо Сани-Лаптя проехать – это же грех непрощённый. Пути не будет! – Федорыч разулыбался.

Петька тоже было расцвел. Но затем возобновилось тягостное для молодого, растущего организма молчание. Рельсы сходились и расходились, сходились и расходились; провода по бокам плавно

плыли от столба к столбу; время замерло на месте, как взгляд на фотографии.

– Петр, вот тебе когда-нибудь снились такие сны... – прервал мерный стук железных колёс голос старшего. – Такие сны... Не знаю даже, как сказать. Вот не вещи, нет. А вот будто ты там. Весь, целиком. А?

– Где там? – тут помощник вскочил, заметив встречу. Отвлекся на пассажирский из Уфы и Николай.

Когда последний вагон простучал мимо и короткие переговоры по радиации закончились, молодой помощник сам напомнил о прерванном разговоре:

– Так чего там про сны-то, дядь Коль?

– Да, – согласно закивал головой его собеседник. – Про сны! Вот взять хотя бы сегодняшнюю ночь: чертовщина сплошная. Подхожу будто я, Петр, к своей избе – ну той, что в Помаево. Темно, вечер... И такое у меня чувство, Петр, вот не объясню: холодок какой-то по спине бегаёт. А рядом со мной – парень идет какой-то. Смуглый, черный волос – не разберешь особо-то, ночь ведь. И вдруг по улице (ну там щас улиц нет – так, заросли одни) начинают загораться огни. Не огни, а окна домов. А я ведь знаю, что изб-то здесь никаких нет и быть не может: кончилось Помаево мое горемычное.

Тут вспыхнет, там зажжется: осветилась улица, как полоса взлётная. А у меня радости в душе совсем нет – наоборот, страх какой-то, дикий, звериный. И тут замечаю, что парень этот, смуглый который, бочком ко мне как-то стоит. «Ага, – думаю. – Это что же ты, уважаемый, лицо от меня прячешь?». Кладу ему руку на плечо, пытаюсь его развернуть, а он ни в какую! Ну я тогда уже с азартом – разворачиваю его, а у него на лице – черви копошатся! Мертвяк, блин...

– Тьфу! Да ну тебя, дядь Коль! – передёрнул плечами молодой помощник. – Не люблю я такого: самому потом ночью дрянная всякая привидится...

– Вот и я не люблю, – закивал машинист и замолчал ненадолго. – А ведь я его узнал, смуглого-то. Это уж потом, как проснулся. В школу вместе с ним бегали – в старшие классы, в соседнее село. Его в грозу убило, мне тогда лет пятнадцать стукнуло...

Снова на горизонте замаячила встреча.

* * *

В этот раз Федорыч поехал не на узике-сапоге, а на допотопной девятке, которую он лет сто назад отдал старшему сыну. У того, понятно, через год-другой образовалась потрепанная иномарка, и девяточка снова перекочевала к отцу.

– Куда тебе две машины? – ругалась Маша, его жена; так-то она редко выступала, но иногда и на нее находило. – Продай хоть одну! И так концы с концами связать не можем.

Но старый машинист отмалчивался и не продавал своих боевых коней. Девятка девяткой – на ней, конечно, по городу удобней. И жрёт поменьше. Однако ж на этом корыте разве до Помаева доберешься? Да оттуда после первого же хорошего дождя хрен вылезешь! Не-е. Маша, конечно, умница, но в этом деле ничего не смыслит.

Впрочем, как известно, человек предполагает, а Богу виднее: еще накануне вечером Николай всё

проверил, а утром его сапог камуфляжного цвета отказался заводиться. Напрочь. Ну что делать? Кто его знает, сколько он еще провозится – может, до полудня! А выходных у него всего два. Поэтому машинист сплюнул, обтёр губы и перекидал весь охотничий скарб в багажник и на заднее сиденье светло-зеленой девяточки...

Был такой поворот по дороге из Ульяновска, который он про себя называл «мой». С каким бы настроением он ни выехал из города, как бы у него ни болело и ни ныло левое плечо (последствие одной охотничьей истории) – когда до «моего» перекрестка оставалось несколько километров, сердце его ускоряло бег, и губы сами растягивались в улыбку.

Именно здесь, в Усть-Урене, они отгуляли свадьбу с Машей – много-много лет назад. Столовая как раз была недалеко от поворота; сейчас там располагались мелкие забегаловки. Он всегда останавливался возле одной из них, степенно здоровался с хозяйками и просил борща. Непременно борща и пирожков с зеленым луком и яйцами – с десяток штук.

«Опять на охоту?» – спрашивала его Валя, внучка Екатерины Сергеевны – той самой Кати, за которой он ухаживал давным-давно – еще до того, как встретил жену.

Федорыч важно кивал и садился за свой любимый столик – возле окна. После борща брал второе – какие-нибудь макароны с двумя сосисками. Потом – чаю.

«Там хоть чего-нибудь осталось? В Помаево-то вашем?» – снова слышал он звонкий Валин голос.

«Осталось, – отвечал он. – Церковь стоит. И кладбище. Вот ведь странность...».

«Что за странность, Николай Федорович? – Валя уже спешила к соседнему столику, куда приземлились два дальнობойщика. Он понимал, что его ответ прозвучит напрасно, никому не будет нужен – как и само Помаево. Но сдержатъ себя не может.

«Странно, Валя, то, что сейчас самая живая часть села – это кладбище. Туда еще приезжают, за могилками ухаживают, кто-то даже подкрасил забор и ворота в прошлом году. Понимаешь? Для живых села уже нет, они его бросили, а мертвые родной земли не предают. Никогда...».

Затем он медленно пил чай – из большой белой кружки с дурацким логотипом сотовой компании. Иногда просил подлить еще. Ведь в Помаево нельзя торопиться. Мертвое село не терпит суеты.

«Коля-а! Ко-оля!» – живо, реально, как в галлюцинации, он слышал голос матери, зовущей его домой.

Как они тогда велосипед-то нашли!.. Да, да... Вот смеху-то было! Это поначалу. А потом оказалось, что велосипед – дяди Борькая. До сих пор холодок пробегал по его спине, когда он вспоминал о том случае из детства.

* * *

Он водился тогда с двумя братьями Петровыми – с Верепе. Петровы – это по-уличному, прозвище по отцу. Так-то у них фамилия была Покшáевы. Братья хоть и считались двойнишами, но похожи были друг на друга, как вилка на бутылку. Один, Сенька, – тонкий и смуглый, будто татарин. А другой, Паш-

ка, приземистый и с квадратным лицом, больше напоминал мордвина. В Помаево, как выражался их местный учитель-историк, всяких кровей понамешано – замучаешься разбираться.

Коле в то время стукнуло четырнадцать лет. Лето выдалось жаркое и влажное. С кувайских лесов и болот каждый вечер прилетала невиданная туча злющей мошкары, поедом евшей и скотину, и людей. Но днём было раздолье. Они с братьями не вылазили с берега Белого озера: Помаевка тогда текла веселей, и ил на дне не втягивал еще ноги купающихся с такой болотистой силой, как сейчас.

Велосипед обнаружил Пашка. Двухколесное сокровище припрятали в самых зарослях – так, чтобы никто не зацепился за него случайным взглядом. Но от мальчишек разве что укроешь?

«Рёбя! – заорал он, вылезая из кустов, куда убежал, чтобы справиться большую нужду. – Я велик нашел! Целый!».

«Офигеть! – подтвердил его брат, уже через несколько секунд оказавшийся рядом с железным конем. – Целёхенький! Может, кто припрятал?».

«А наплевать! – возразил другой двойняш. – Мы нашли – значит, наш!».

Троица быстро уволокла найденное за село. Там они до самого вечера катались по очереди по протоптанному скотиной и людьми полевому дорожкам. А уж совсем зàтемно, когда за кровавым ужином поднялась с болот злая мошкара, мальчишки схоронили велик в зарослях крапивы: так оно надежнее будет.

Утром на следующий день Коля поехал с отцом в Никитино на совхозном грузовике. Обычно он любил помогать папе в его разъездных делах: тот всю жизнь трудился бухгалтером, его знали и уважали во всем Сурском районе. Но в это утро мальчику ехать не хотелось. Хороший велосипед действительно считался великим делом; у братьев Петровых валялся в сарае какой-то раздолбанный драндулет, а Коля – так тот и подавно мог подребезжать велосипедной цепью лишь в долг, выпросив покататься у одного жирдяя с соседней улицы.

«Накатаются там без меня! Раздолбают велик так, что потом на него и не сядешь. А я тут с отцом – как последний дурак!» – с тоской думал он, считая минуты до того момента, как отец освободится от своих скучных дел, связанных с ревизией. Это он потом – уже годы спустя – благодарил Бога, что не остался в тот день в Помаево и не перешел дорогу дяде Борькаю.

«Ха! Ты понял, да! Он к нам домой прям с утра нарисовался. Мать только после дойки вернуться успела, а он уж на пороге стоит, зыркает!» – рассказывал ему смуглый Сенька, стараясь придать своему рассказу весёлый характер: дескать, вот ушлёпок так ушлёпок этот старый пердун. Вот уж смешно так смешно! Ага, насмеялись они тогда досыта – до той самой грозы, после которой смуглого пришлось закапывать рядом с его дедом, по правую руку.

«Твои у меня велосипед украли. Пусть вернут!» – знахарь якобы так и сказал. Прямо на пороге. И ушел.

Мать руками всплеснула, сунулась к сыновьям – те еще на терраске нежились, просыпаться не хотели.

«Мы ей сразу: какой там на фиг велосипед. Знать не знаем, ведать не ведаем. Что там этот сумасшедший дед выдумал! Пошел он подальше!».

Ну мать что: поохала, поахала. Старшего Петрова, отца их, вообще тогда не было: уехал в город, недели через две, что ли, вернулся только. Ну на этом вроде бы и закончилось. Мать попричитала, погрозила им, сказала, что Борька обманывать никак нельзя: он, мол, всё видит. А мальчишки что: пёс с ним, с этим дураком старым. И убежали – сначала на речку, а потом – к крапиве за велосипедом.

А ближе к вечеру, в тот момент, когда Коля с отцом тряся в грузовике, едущем из Никитино, дядя Борька вырос перед ними, словно из-под земли. Братья даже остолбенели поначалу.

Смотрит он на них: брови у него седые, кустистые, глаза глубокие и черные. В руках – палка. Он без этого сучковатого посоха вообще из избы не выходил, разве что когда верхом ездил на своем железном коне. Зачем палка ему нужна была – никто не знал. Борька ходил по-молодому, спину держал прямо. Частенько, кстати, видели его на том самом велосипеде: не любил он терять время на долгую ходьбу.

«Давайте, парни, по-хорошему. Покатались и буде. Мне по ягоду надо съездить. Травки кой-какой собрать. В лес нужно мне...» – сказал и молчит. Ждет.

Братья посмотрели на него, потом друг на друга. И загоготали, дурачье.

«Наш это велик, дядя! Попробуй докажи, что не наш! Мы его нашли, понятно?!» – и дёру дали. Один на колёсах, другой бегом.

В этот день Коля с Петровыми так и не увиделся: вернулись они с отцом из Никитино уже в темноте. Вечером старый Борька снова вырос на пороге избы Петровых.

«Ты, Надежда, женщина умная. Всё понимаешь. Я ведь тебе помогал. С этими оболтусами, кажись, ко мне и приходила. Грыжа ведь у одного была. Так?».

Бледная мать кивала головой и божилась, что допрашивала сыновей с пристрастием, но те отказываются от всего.

«Не брали, говорят! Что с дурней взять? Вот отец вернется – он уж с них не слезет, душу им всю вытрясет. Если они взяли – вернут, вернут, дядя Борька! Куда они денутся!».

«Не с руки мне, Надежда, ждать две недели. Мне транспорт сейчас нужен. У травы сила назрела: я на нём, на раме, траву вожу. Скажи, чтоб отдали, слышь?».

А братья в тот вечер успели попасть в историю: Пашка катался по лесной просеке, наехал на сосновый корень в руку толщиной, который незаметно торчал в листве. Переднее колесо погнулось, покрышка лопнула. Петровы, не долго думая, сняли оба колеса с рулем и унесли к себе в сарай. А металлический велосипедный остов утопили в здешнем болоте – от греха подальше.

Через два дня мальчишки снова повстречались со старым знахарем в проулке, ведущем к клубу. И Коле опять повезло: братья Петровы были без него; вдвоем и дело совершили.

«Транспорт-то мой когда вернёте? Или уж утопили где?» – голос у Борька спокойный, с хрипотцой. Он, когда лечил, никогда не шептал – так,

как это делали все бабки-лекарки. Всегда говорил молитвы-заговоры вслух, четко и со значением. С хрипотцой.

«Пошёл ты, дядя, со своим великом! – вдруг орал Сенька. – Не брали мы его, и не докажешь ты ничем, понял!? Привязался, как банный лист к заднице! И не ходи больше к нам, а то вон вечером встретим в темном месте, понял?».

Ну и всё. Борька смолчал. И Пашка, Сенькин брат, тоже не сказал ничего. Наверное, поэтому и жив остался, хоть и уехал из Помаева навсегда – ровно через год, как в Сеньку молния попала.

Люди разное про то судачили, но Колька-то знал изнутри, как дело было. И никогда никому про это не рассказывал. Даже Петьке – своему помощнику, который, как тому казалось, знает про Помаево всё. Ведь старый машинист любил повспоминать о родном селе, когда их пригородный стоял на светофорах и долгих станциях.

Глава 3

Утром они пошли к заброшенному зданию бывшей церкви.

– Что-то холодно по ночам на земле-то голой лежать, – ворчал Толян, вооруженный поскуливающим гудлом. – Дно у палатки тоньше, чем волос в причинном месте. Надо что-нибудь теплое найти: соломы, что ли, натаскать? Или, на крайняк, – в избе этой дурацкой заночуем. Всё потеплее. Ну а завтра – домой пошлепаем. Как на такой план смотришь?

Стас закивал. Он с утра был молчалив и задумчив. Что-то снилось ему этой ночью – что-то неприятное и тяжелое. Но, слава Богу, подробностей он не помнил.

Кстати, Толян-таки угадал: Стасу действительно пришлось провести вторую ночь в сохранившейся помаевской избе. Да только вот спал он там один одинёшенек, без своего многоопытного товарища.

– Так, начнем-с!.. Вот крыльцо – давай-ка расчистим тут завалы, – любимое дело подняло настроение у Толяна. Да и начинающий нумизмат тоже оживился.

Друзья принялись доламывать церковное крыльцо, освобождая пространство для работы металлоискателя. Уже минут через двадцать первый радостный крик огласил заросшие окрестности бывшего села.

– Рубь! Тыща восемьсот второй год! Ну ни фиги себе! – Толян почти танцевал, показывая другу грязный кругляш. – Я же говорил, я же говорил! Да тут клад самый настоящий! Ё-моё!

Через час-другой их восторг, однако, поубавился. Сотоварищи нашли в общей сложности еще монеток двадцать, и все – времен совхозов и покорения космоса.

– Фу-у! Ну и жарница. Давай перекусим, а? – Толян вышел из здания бывшего клуба, стянул с себя футболку и закинул ее на ветку ближайшего дерева.

– Искупаться бы... – мечтательно протянул Стас.

– Где? В этом тухлом ручье? Нет уж. Я пас. Давай лучше костерок и шашлыки. Угу?

Подготовка к обеду отняла у них часа два. В пекло работать не хотелось, они ждали, пока хоть немного спадет жара. Толян даже умудрился вздрем-

нуть. Вот в этот самый момент Стасу приспичило. Студент порывлся к рюкзаку, добыл смятый рулон туалетной бумаги и поспешил в сторону ручья: там как раз росли замечательные кусты. Хоть тут никого, кроме них с Толяном, и не было, но столь интимное занятие всё равно требовало некоторого укрытия. Когда дело было сделано, юный нумизмат решил вернуться другой дорогой – вдоль берега ручья. Проходя то место, где ночью ему почудился женский крик, он снова ощутил озноб. А затем его левая нога наступила на что-то мягкое.

Стас успел лишь опустить глаза вниз, как вдруг почувствовал резкую боль чуть выше лодыжки – там, где заканчивались его подвернутые джинсы. Что-то громко зашипело, он резко отпрянул в сторону и заметил извивающееся черное тело, шмыгнувшее куда-то в расселину между корнями деревьев. Пару секунд он стоял, не понимая, что произошло. В голове было пусто, сердце стучало, словно колокол. А затем дикая боль в левой ноге заслонила всё остальное в мире.

Стас быстро присел на землю и, задрав брючину до самой коленки, начал внимательно осматривать две кровавые глубокие ранки на ноге. Жгучая боль всё усиливалась, место укуса уже начало понемногу вспухать, словно дрожжевое тесто.

– Чёрт! – сказал Стас вслух и вздрогнул от звука собственного голоса. – Меня только что цапнула змея. Долбанная гадюка! И что мне делать? Толя-ян!

Его охватил страх – почти паника. В то же время он почувствовал какое-то необыкновенное возбуждение, сладкими, медовыми волнами накатывающее на всё тело. Уже спустя две минуты Стас расталкивал своего разомлевшего от жары друга.

– Толян! – бледные губы укушенного кривила странная усмешка, глаза были расширены. – Вставай, вставай, говорю, мать твою! Меня гадюка цапнула, слышишь?!

Старший медленно моргал, затем мельком глянул на две кровавые точки на ноге товарища и кивнул, будто видел такое каждый божий день. Затем сладко зевнул, показав Стасу две пломбы на коренных зубах.

– Ну ты даёшь!.. Вода у нас далеко? Пить хочу – не могу.

Пока проснувшийся рылся в рюкзаке в поисках минералки, Стас молча следил за ним. Ему чудилось, что каждое движение его товарища происходит жутко медленно, словно тот плыл сквозь прозрачную густую сладкую жидкость.

– Что мне делать, Толь? А? Я умру? – спросил начинающий нумизмат. Голос его был так спокоен, что мать Стасика, пожалуй, завопила бы от ужаса: только она знала, как у ее сына проявляется крайняя степень паники.

– Дурак, что ли? Это полная ерунда. От гадюк никто не умирает. Редко очень. Вот если бы она тебе в шею вцепилась или в щеку прямо присосалась – это другое дело. А тут – как оса. Распухнет и пройдет.

– Это точно? – Стас начал всхлипывать. – Ты это точно знаешь?

– Да конечно! Ну ты еще разревись, девочка моя! Говорю: всё хоккей будет. Аллергии у тебя нет? Не знай? Ладно ты тут посиди, тебе двигаться по-

меньше надо – я читал в Инете про такое.

Стас кивнул, а Толян пошел за церковь – помочь. Когда тот вернулся, укушенный тыкал пальцем в смартфон.

– Бесплезно, да? Тут не ловит ни хрена. Это надо в сторону Астрадамовки идти. Может, в Паркино есть связь. У тебя Билайн? У меня тоже. Не-е, связи нет.

– Толь, мне плохо... Тошнит. И... – бледный студент осторожно передвинул левую ногу. – И нога прям горит огнем!

– Да ла-адно! Дай-ка погляжу, – старший присел на корточки и, внимательно посмотрев на ползущую вверх опухоль, зацокал языком. – Да, дёрнула она тебя здóрово. Яд щас бесполезно отсасывать – всё уж в кровь проникло. Да и не рекомендуется это: вред только один.

Они помолчали. Сладкое возбуждение уступило место сонливости. Стас икнул и виновато улыбнулся. Потом снова икнул.

– Да, выглядишь неважнецки. Чё-то прямо у тебя – за двадцать минут каких-то. Ладно. Я вот что думаю: тебе надо покой, может, поспишь немного. Я тебя сейчас в избу отведу, а сам пойду по полям – до дороги. В сторону Астрадамовки. Как дойду до того места, где сотовый ловит, «Скорую» вызову... Только вот как она до сюда доедет – асфальта-то нет? По полям придется. Пошли.

Он решительно потянул Стаса за плечо и, когда тот поднялся, повел его к холму, откуда был виден дом. Укушенный шел прихрамывая, но в целом юный нумизмат выглядел уже чуть получше. Так, по крайней мере, показалось старшему.

– Ну вот! Ожил немного! – сказал Толян с одобрением. – А то совсем раскис. Сейчас ляжешь, а я побегу за помощью. Тут сыворотка нужна специальная. Только вот не знаю, куда лучше бежать: до Паркино-то поближе, но я боюсь заплутать. Весь вопрос – есть ли там хоть какой-то фельдшер? А связи там точно нет...

Старший рассуждал об этом вслух всю дорогу, которая показалась Стасу бесконечной. Ему невыносимо хотелось спать, а дышать становилось всё тяжелее.

– Та-ак... Вот тебе лежаночка поудобнее. Гудло мы пока в сторону отставим: я его сюда вот в уголок размещу, ага? А ты ложись-ложись, – Толян вдруг стал светливым. Он старался не глядеть на мертвенно-бледное лицо друга и особенно – на его посиневшую и отвратительно раздувшуюся лодыжку.

– Ты не думай. Я прямо налегке – быстро побегу. У тебя тут вода, всё есть. Пей побольше. Часа через два точно обернусь – какого-нибудь врача тебе притащу, куда они денутся? Тут человек умир... – старший запнулся. – Ну всё, брат, отдыхай. Я – мигом!

Когда его друг испарился из избы, Стас чуть склонился вниз (он лежал на полуразвалившейся кровати, наспех покрытой ветровкой Толяна), и его вырвало прямо на грязный деревянный пол. Почти минуту он смотрел на выцветшую светло-коричневую половую краску, по которой расплывалось мокрое пятно плохо переваренной еды, а затем положил голову на сложенные лодочкой ладони и закрыл глаза.

* * *

– Тебе какого лешего надо здесь? – голос был молодой и наглый.

Стас разлепил веки и искоса посмотрел на говорившего. На запылившейся табуретке рядом с голландкой сидел худой узкоплечий подросток со смуглым, выгоревшим лицом. Неожиданный гость смотрел не на укушенного, а в белесую помаевскую даль сквозь треснувшее, запыленное окно избы. Студент перевел глаза на свою больную ногу и заметил, что опухоль уменьшилась.

– Ну чё молчишь-то? – опять спросил мальчишка. – Это у тебя времени вагон, а мне тут не с руки сидеть и ждать.

– Ты кто? – студент выдавил из себя слова с трудом. Ему вдруг сильно захотелось пить, и он привстал, чтобы дотянуться до пластиковой бутылки, торчащей из рюкзака.

– Дед Пихто! – отозвался хмурый подросток. – Кончай валяться здесь, вставай давай, пойдём.

Юный нумизмат присосался к минералке, пластиковая бутылка начала сужаться в его пальцах и потрескивать. Когда он оторвался от горлышка, смуглый уже приподнялся.

– Я два раза повторять не буду. Идешь?

Стас пожал плечами и опустил ноги на пол. Затем немного потянул ступню вверх, проверяя, не вернется ли жгучая боль.

– Ну чего ты цацкаешься со своей ногой? – смуглый раздраженно выдохнул воздух сквозь сжатые зубы; получился звук, похожий на шипение, и студент вздрогнул. – Всё у тебя заживет, как на собаке. Слушай, я серьезно: мне пофиг на тебя и твою лодыжку. Ты или идешь, или нет. В общем, я сваливаю, а ты оставайся здесь, жди своего друга-придурка!

И наглый подросток направился к перекошенной двери, скрепя половицами заброшенной избы.

– Эй, ладно, ладно, – примирительно позвал его Стас. – Я с тобой. Дай только рюкзак возьму. И гудло нельзя здесь бросать: оно денег стоит.

– Во пе-ень! – процедил сквозь зубы новый знакомец. – Ты на самом деле такой или прикидываешься? Оставляй всё здесь, никто ничё не тронет. У нас в селе можно дверь хоть палкой подпереть – никто сроду не зайдет. Это вы в городе за семью замками прячетесь, трясётесь вечно.

Охотник за монетами еще раз пощупал рукой чуть ниже колена левой ноги, боясь прикоснуться к опавшей опухоли, а затем кивнул: идти надо, он это понимал...

Как они добрались до берёз, Стас плохо помнил. Он почти не поднимал глаз от тропинки, стараясь шагать след в след за смуглым, так как боялся снова не заметить гладкокожую гадину, греющуюся на какой-нибудь малозаметной кочке.

– Всё, дошли! – немного сутулая спина подростка заметно расслабилась. – Дальше сам. Там всё просто: заходишь в ворота, надо крючок поддеть с внутренней стороны. Оставь дверь открытой, потом ее закроешь, когда выходить будешь. Иди сначала прямо, там поймешь – синий высокий крест с домининой наверху чтобы по правую сторону был. Домовина – знаешь, чё такое?

Стас неопределенно вскинул брови в ответ: не хватало еще, чтобы его тут просвещать начали. Подросток показал ему две ладони, соединенные в форме покато́й крыши дома.

– А-а, ну-ну... – начал Стас.

– Баранки гну. Так вот. Идешь прямо, могил пятнадцать пройдешь, потом налево проход будет. Двадцать шагов сделаешь и придешь, куда нужно. Там тоже крест и фотка. Найдешь, в общем.

– А что там написано? – спросил студент.

– Где?

– Ну фамилия какая?

Смуглый секунд двадцать сверлил его взглядом коричневых глаз, а затем выдохнул, выпуская раздражение, словно лишний пар из котла.

– Фамилия как? Борькаев. Степан Федорович. Запомнил? Сядешь там на лавку, посидишь. Как пустит он тебя, назад воротиться, и тогда уж ворота на крючок закроешь. Всё. Давай, – и подросток довольно-таки сильно подтолкнул студента в плечо.

– Наглые тут у вас все... – забормотал было юный нумизмат, но потом скривился и махнул рукой: с местными нефиг связываться. Да и идти действительно надо. Стас просунул руку в заборную щель, снял крючок, открыл невысокую калитку и, не оборачиваясь, пошел по прямой мимо могильных холмиков. Попадались деревянные кресты, обычные металлические трапециевидные памятники со скошенным уголком и современные прямоугольники а-ля мрамор; где-то торчала оградка, а где-то – просто холм без каких-либо опознавательных знаков. Обычное сельское кладбище, он на таких сто раз бывал.

– Ишь ты, распоряжается тут... – он всё еще злился на смуглого: этот сопляк младше года на четыре, а толкается, блин, указания дает.

Высокий крест с домининой гость оставил по правую руку. Затем свернул налево. Памятник у дяди Борька и впрямь ничем особым не отличался. На черно-белой выцветшей фотографии, прикрученной к кресту, – бородатое лицо с густыми седыми бровями над черными глазами.

– 1897-й – 1981-й. Нормально так пожил мужик... – такие размышления Стас обычно не произносил вслух. Оградки на могиле не было, зато рядом располагалась скамейка – свежеекрашенная, с металлической спинкой, как-то резко выделяющаяся своей светло-синей новизной среди остальной тусклой ветхости и запущенности. Нумизмат приземлился на нее и принялся оглядываться по сторонам. Смуглого и след простыл; тишина кругом стояла гробовая. Ни птиц, ни насекомых, ни ветерка.

Он поерзал минут пять, потом привстал и снова сел.

– И сколько мне здесь еще сидеть? – Стас спросил это вслух – так, будто совсем отучился думать про себя. Он почти случайно снова взглянул на могильную фотку Борька и тихо охнул, заметив, что на старом керамическом овале ничего нет – одна сплошная белизна.

– Ну только не говори, что испугался... – где-то за спиной отозвался на его вздох мужской голос. – Я этого страх как не люблю.

Стас быстро обернулся и увидел бородатого

мужчину лет пятидесяти. Он стоял, опершись на толстую сучковатую палку, и внимательно смотрел студенту прямо в глаза. Стоявший не улыбался, но от всей его фигуры, от его покатых худых плеч, расслабленной позы, какой-то неторопливости веяло добродушием. По крайней мере, никакой опасности Стас не почувствовал, и это его успокоило.

– Болит нога-то?

– Да так... Ноет.

– Ага. Ну, подвинься, подвинься, присяду с тобой, раз пришел, – мужчина присел на скамейку. Свой посох он заботливо прислонил сбоку к металлической спинке. – Вот и хорошо... Теперь и покалякать можно. Ты скажи, Стасик, сколько тебе надо?

– В смысле? – юного нумизмата почему-то совсем не удивило, что бородатый знает его по имени.

– Ну как «в смысле»... Вот мне Сенька, – это паренек смуглый, который тебя сюда привел. Не хотел он идти, к стати, не понравились вы ему оба сразу – как только пришли сюда. Ага. Так вот, Сенька мне всегда говорит, когда мы с ним об этом беседуем, ну вот прям как с тобой щас: «Дядя Борькай, не прав ты, мол, старый пердун! Счастье – оно у каждого свое. Вот им, говорит (это он про вас с Толяном, ага), нужна куча монет для счастья. Дашь им много, вот прям до хрена монет, – и они счастливы будут!». А я с ним спорю, у нас прям индо до слез иногда доходит, так вот спорим! Я ему в ответку: «Сенька, Сенька, как был ты бурелом, так и остался. Счастье, оно, может, у каждое свое, да только так выглядит всё на поверхности. А на самом-то деле мы все к одному идем, просто пути разные». Вот.

Бородатый замолчал, и сразу стало до боли тихо. Ни птиц, ни насекомых, ни ветерка. Стас тоже ничего не говорил.

– Ага, – вдруг снова продолжил Борькай. – Вот я тебя, Стасик, и спрашиваю: сколько тебе этих самых монет-то надо? Для счастья. Для настоящего. Так, чтобы ты радость подлинную ощутил. Чтобы прямо до слез, до дрожи, до сути самой. А? Вот разреши наш с Сенькой спор!

Стас опустил глаза и, найдя указательным пальцем едва заметный сучок в скамье, принялся егоковырять. Бородатый терпеливо ждал.

– Да это я так... просто. Коллекционирую, – наконец ответил он. Никакого стеснения юный нумизмат не испытывал: наоборот, ему неожиданно захотелось выложить всё начистоту. Просто он пока не мог подобрать слова.

– Ну-ну, – подбодрил его Борькай и почесал свою левую кустистую бровь. – Не юли. Бить-то тебя за это не будут.

– Ну вообще я с детства вот собираю. У меня почти сорок дореволюционных монет, а остальные так – по мелочи. Есть даже одна первой половины восемнадцатого века.

Дядька одобрительно кивал, как китайская игрушка, в такт каждому его слову.

– А тут мы как... Начали искать вроде, ну по сёлам, но там люди-то ходят, всё такое. А с металлоискателем сейчас особо-то не разгонишься: могут так штрафануть, мама не горюй. Вот Толян и говорит: «По сёлам надо заброшенным пройтись!». А я...

– Ну это да, да, – мягко перебил его собесед-

ник. – Это я в курсе. Но ты на вопрос мой ответь. Вот сколько тебе надо?

Стас еще раз скользнул взглядом по лицу бородатого и увидел, что тот спрашивает его вполне серьезно. С интересом.

– Ну как... Тут ведь сразу не ответишь. Еще ведь важно, какие монеты. Вот если «катьки» – ну там при Екатерине Великой которые – это, конечно, один разговор. А если советские, так этого добра везде полно, нам они и не нужны по большому счету.

– Вам с Толяном пофиг на них? – уточнил бородатый и чуть улыбнулся.

– Ну да, – заулыбался в ответ Стас. – Не на все, конечно. Есть и советские монеты – очень крутые. Тут надо по каталогу смотреть, в Инете их полно: какие ценные, какие нет.

– Ага, ага! – закивал сидящий рядом с ним. Бородатое лицо чуть отвернулось от Стаса, склонилось к земле, и мужчина, протянув правую руку к посоху, стал гладить его по сучковатой коже. Они снова помолчали.

– А Сенька-то у меня – парень и впрямь не промах... – наконец вздохнул Борькай; голос у него чуть изменился, стал тише, с какими-то хрипами и сипом. – Знает ведь, как правильно спорить. Ничего не попишешь... Что же, Стасик, идти мне надо. И тебе тоже нечего здесь задерживаться. Отпускаю я тебя. Можешь возвращаться.

Стас послушно приподнялся с лавки.

– Иди, иди, Стасик. Поговорили мы с тобой – как воды напился. Только калитку на крючок запереть не забудь, а то ходят тут... Скотина всякая может забрести, а нечего ей на кладбище-то делать, сам знаешь.

Студент закивал и поспешил обратно. Всё-таки неуютно было здесь, да и, честно говоря, не любил он бывать на кладбищах.

Глава 4

Такие ловушки старый машинист умел обходить на раз-два. Но тут засмотрелся на показавшуюся вдалеке крышу бывшей помаевской церкви, ёкнуло его сердце от радости, колеса старой девятки повело по влажной колее, и сел он в аккурат на брюхо. «Приехали, мать твою растудят!».

В общем-то, он и не рассчитывал на автомобиле добраться до самой избы. Не на узике всё-таки сегодня, рисковать нечего. Кто бы его потом из этих дебрей выколупливал? Но чтобы вот так вот глупо сесть посреди бела дня на нормальной еще полевой дорожке – это уж совсем. Старость не радость, как говорится.

Он попробовал вытащить машину с налету, но не тут-то было. Понял, что придется провозиться почти час, и решил это дело оставить на завтрашнее.

– С новыми силами утром приду – и выковыряю родную. А сейчас домой хочу. Избу увидеть свою! – Федорыч поймал себя на том, что произносит эти мысли вслух, и пожал плечами: никого здесь нет на добрые пятнадцать километров по диаметру. Тут не то что с собой вслух поговорить – тут можно хоть нагишом шастать день-деньской – всё одно.

Хотя на самом деле он так не думал: всякий раз возвращаясь в село, где он родился и вырос, Федорыч ощущал присутствие чего-то живого и родного. Да, люди здесь уже не жили, коровы не мычали, тракторы не тарахтели, собаки не лаяли. Но Помаево никуда не делось, оно еще было здесь, дышало. И наблюдало – следило, чтобы, как любил говорить его отец-бухгалтер, дебет с кредитом сходились. Не допустит село безобразия, точно не допустит.

Может быть, именно из-за этого ощущения он и любил сюда приезжать. Ну не ради же охоты он катается в заброшенное село. Нет и еще раз нет! Здесь качали зыбку руки матери, когда он был бесштаным младенцем. По этим зарослям – бывшим улицам – ходили его друзья. Здесь он знает каждую пядь земли: в каком роднике вода вкуснее, где растет лесная клубника, в какой квартал леса лучше идти за маслятами, а куда – за белыми грибами.

Он до сих пор с закрытыми глазами мог указать, где чей дом стоял: тут жили Петровы, а тут Абаевы... Он помнил, как дойти до заросшей землянки, где, по уверениям, старожилов, прятался сам Стенька Разин и там же где-то схоронил награбленное. Тут, на кладбище, у него лежат две бабки, дед, отец с матерью и сестра. Тут его душа и сердце...

– А вы, чёрт, развалили всё, разворовали, растащили! Дорогу асфальтовую они не успели проложить, село, мол, бесперспективное! Сволочи! – слова утонули в полевом ветре, погасились о деревья ближайшей рощи, ушли в леса кувайской тайги. Николай посидел еще немного, подышал родным воздухом, а потом принялся вытаскивать из багажника скарб. Через час он уже скрипел половицами своей избёнки.

* * *

Первое, что он заметил, – икона. Кто-то снял ее с божницы и положил на подоконник. Это было бабкино благословенье: с нею она провожала к зятю свою дочку, его мать. Бабка сама украшала икону фольгой и искусственными цветами. Она же выучила Николая «Отче наш» и «Богородице»: «Ты, грит, сынок, – бабка его часто сынком звала, – ты, сынок, молись и на Бога смотри. А Бог-то он тут, с нами», – и на икону глазами показывала...

– Кто ж тебя так? – забормотал Федорыч, буд-то нашел за старой поленицей котёнка с перебитой лапой. – Зачем сняли-то и на окно тебя сунули? Ладно хоть не унесли, ладно хоть так...

После он заметил рядом с табуреткой чей-то рюкзак, а чуть позже за голландкой в углу нашел припрятанное гудло.

Он присел на старый диван, поводит носом, будто старая гончая, и глаза его невольно скользнули вниз – к чехлу со старым охотничьим ружьем. Не нравился ему такой расклад; что-то носилось в воздухе – тревожное, неопределенное, то, чего раньше в Помаево он не чувствовал.

– Мародеры, мать их... – решил наконец машинист и вздрогнул от собственного сиплого голоса; во рту стало сухо, язык едва шевелился. – Ну я им покажу, как село чужое грабить! Дай только добраться до вас...

С этими словами он привстал и наклонился к рюкзaku, к которому был прикреплен коричне-

вый потертый чехол. Федорыч начал судорожно отстегивать его, затем полез за крупной дробью, руки его дрожали, ему казалось, что вот-вот кто-то войдет и... И тогда он ответит им наконец – им всем. Тем, кто раздербанил, растащил его село-жизнь по кусочкам, тем, кто позволил умереть его Помаеву, тем, кто в душе, по жизни, ежедневно и ежесекундно мародерствует, тем, кто... Он остановился лишь тогда, когда наставил дуло на полуоткрытую дверь, и так продержал ружье, наверное, с минуту. А после поймал себя на этом, зажмурил глаза – так, что задрожали веки, и медленно опустился на диван.

В избе давно не было часов – тех самых, светло-желтых, старинных, со звоном. Но тут он отчетливо услышал их мерное тиканье. Этот звук Николай помнил с раннего детства. Он любил по утрам, – когда солнце еще только раздумывало, подняться ли над горизонтом или наконец бросить всю эту опостылевшую круговерть, – прислушиваться к звукам дома и Помаева. Сначала кукареканье соседского петуха; потом скрип калитки – мать пошла на утреннюю дойку; громыханье цепи Тобика – на редкость глупой собаки, которую Колька обожал; а потом – все звуки пропадают, уходят, и остается только мерное тиканье. Тик-тик-тик-тик...

Иногда мальчик сам себе ставил такую задачку: не разжимать веки до тех пор, пока ветхий механизм часов не достигнет заветной точки, стрелки не совпадут, и из светло-желтой утробы не польется звон. Но так ни разу и не смог дожидаться заветного момента. Секунды текли и утекали; Коля считал их и считал, принимался ворочаться под одеялом, сжимать и разжимать кулаки, терпел целую вечность. Но часы всё не били, и он сдавался. Раскрывал глаза, вскакивал с кровати – и всегда оказывалось, что нужно было подождать всего каких-то пять-десять минут. Но он не мог. Что-то в мерном тиканье часов было такое, чего решительно нельзя было перенести, особенно – если слишком сильно прислушиваться...

«Коля! Ко-оля!» – машинист часто заморгал, оглянулся и посмотрел в окно. Солнце уже теряло силу. Еще часа три, и тени станут совсем длинными. Надо разведать хотя бы в ближних заповедных местах – там, где Федорычу всегда везло на птицу и другую мелочь. Но сначала, конечно, стоит поискать хозяев рюкзак.

* * *

Парень, почти мальчишка, лежал навзничь на небольшом холмике слева от кладбищенских ворот. Еще издалека Николай понял, что тот жив: лежавший иногда похлопывал себя по левому бедру, словно проверяя, не исчезло ли оно вдруг.

Федорыч сначала предположил, что мальчишка пьян, но, присев рядом с ним, запаха не учуял.

– Эй, пацан! Ты чего тут? – машинист решил спрашивать поглубже – почти басом, чтобы мародер заранее знал, что с ним шутики плохи. Однако его артистизм воздействия не произвел: парень даже глаз не открыл, а только продолжал, шевеля пальцами, то и дела касаться своего бедра. Вытянув шею, Федорыч посмотрел на завернутую штанину незнакомца. Затем привстал и обошел его с другой стороны. Машинисту понадобилось с минуту, чтобы раскусить, в чем закавыка.

– И давно она тебя, дурака, цапнула? – бурчал он, уже оценивая примерный вес найдёныша. – Ты хоть и худой, но мне, старику, тебя так просто не поднять. По траве волочить – тоже малоприятная процедура... Эй, как тебя там? Ногами-то перебирать могёшь или как?

Стас понимал, что его куда-то ведут, но на этом его осознание себя и заканчивалось. Иногда он замечал идущего в двух шагах от него смуглого подростка, который кривил рот, когда замечал туманный взгляд Стаса.

– Иди давай! – говорил наглец и, зевая, отворачивался от него. – Вон Колька тащит тебя, надрывается, а ты ноги свои не можешь нормально поднять и переставить. Я с тобой замаялся, чесна слово. Вот угораздило-то...

Стас хотел ему ответить чем-нибудь пообиднее, но на ум приходила всякая ерунда. Они шли по вечерней улице, освещенной окнами сельских домов. Любопытные лица мелькали за занавесками. Где-то в отдалении забренькали на балалайке, и в ответ засмеялись звонкие девичьи голоса.

Потом Стас и его спутник (кто-то ведь вёл его за руку, пока смуглый кривился от раздражения) мучительно долго пробирались сквозь стадо бредущих коров. Скотины было так много, что хотелось прижаться к забору, чтобы дать пройти этому мычашему, теплому, пахнувшему молоком, травой и навозом потоку пятнистых тел. Стадо замыкал отчаянно косоглазый пастух с грязной веревкой вместо кнута.

Стас решил с ним поздороваться, но затем передумал и просто кивнул. Кто-то повел его дальше. А затем он спал. Долго, очень долго спал.

Глава 5

– У царя Ивана Грозного был проводник-мордвин – ну, как гид по здешним местам, звали его Отя. Откалывал и на имя Покша. Да. Давненько, в стародавние времена, ага. Волос у мордвина черный, сам приземистый, голова большая. Знал здесь, ведал каждую кочку, каждое болотце. Вот однажды идет этот Отя с царским воеводой по кувайской тайге... Симбирском тогда еще и не пахло, в проекте не было еще твоего Симбирска, понял?

Стас кивал, блаженно шурился, смотря на угольки костра. Федорыч ему нравился; он с ним даже змей не боялся. Почти.

Еще вчера вечером он подышал на кровати в полуразваленной помаевской избе, а сегодня, поди ж ты, вот уже сидит, как огурец, греет кости у костра. Он отлеживался весь сегодняшний световой день, пока старый машинист ходил по своим охотничьим делам.

– Ты не бойсь: всё с тобой нормально будет. Опухоль уж спала, температуры нет. Полежишь, покумекаешь, к вечеру будешь в норме, – успокаивал его новый знакомец.

Федорыч, кстати, сумел дозвониться до запропастившегося куда-то Толяна: старый машинист давно испробовал различные симки и точно знал, какой сотовый оператор работает в здешней глухомани.

– В Усть-Урене уже твой друган, волнуется-переживает, спрашивает, как ты, мол, здесь. Будешь с ним общаться? – Николай протянул студенту свою

кнопочную «Нокиа», но Стас скривился, совсем как смуглый Сенька, и покачал головой.

– Ну как знаешь. В общем, ты тут лежи-полёживай. Еда-вода есть, я к вечеру обернусь. А завтра мы с тобой домой покатым. Подсобишь мне вот только машину вытолкать – и фьюить!.. Прощай, дорогое Помаево. Понял?

Костер они устроили недалеко от избы. Федорыч общипал уже подбитых им лесных куликов и теперь готовил дичь по-походному. Истории про свое село он начал рассказывать сам – без просьбы Стаса. Юный нумизмат вообще старался больше молчать, но не потому, что чувствовал себя плохо: нет, физически он оклемался. Однако что-то внутри него происходило странное, будто он пытался нечто припомнить, но всё как-то не мог.

– И вот идут они, Отя с воеводой, по этим самым местам. А раньше тут – ого-го, не сравнить с нынешним: и выхухоль, и бурый медведь. А речка Помаевка какая чистая была! – продолжает Федорыч с увлечением – так, будто пересказывает очередную историю Петьке, своему помощнику, на каком-нибудь долгом светофоре. – И вот веришь, нет: заблудились. А воеводе к спеху, с ним войско. Темень скоро, мошки, болота. Волки кругом. «Ты, говорит, Отя, не балуй. Всё здесь знаешь, а вывести нас не можешь? Повешу на первом суку!». А Покша сам не ведает, как так получилось: будто водит кто его. Ведь все приметы знает: вон сосёнка ободранная, вот болотце, а всё не может верного пути отыскать. А воевода ярится, грозит: до темени, дескать, не выведешь на нужную просеку – поминай как звали!

И стал тогда Покша молиться своим богам. Мордва-то она в православие позже ударилась, в курсе, да? Подошел Отя к березе, стал ей кланяться, шептать по-своему. А оттуда якобы голос ему: «Быть тут селу. Да не одному. И каждое село – для сына твоего, Покша. Первый сын – Аркай, второй – Паркай, а третий будет любимый – назови его Помаем». И всё. Через час Отя вывел воеводу куда надо...

Сверчки оглушали; звёзды – выпуклые, весомые, блестящие – гнездились в небе, словно огромные светляки. До одури пахло жареным мясом; шумели деревья в заброшенных садах, хотя ветра почти не ощущалось. Стасу было очень хорошо. Иногда только вспоминал он о здешних хозяйках – змеях и ёжился под теплым пледом, которым с ним поделился старый охотник.

– Вот с сыновей-то Отиных и затеялись наши сёла. Тут, кстати, в Помаево-то, у каждой улицы свое название было – не как по индексу, по почте, значит, а свое, местное. Вон туда, – Николай машет куда-то в сторону, – Верепё была. С мордовского – Верхняя, значит. Дальше – Алопé, потом Крестовка, Томбаль и Од-улица. А изб сколько стояло – курочке покакать негде было! Шестьсот дворов! Веришь, нет? Я завтра с утра тебе всё покажу, кто где жил...

– Дядь Коль, – перебивает его Стас, – а Борькай – это кто?

– Борькай? – плечи Федорыча вдруг слегка передёргивает, будто от озноба. – Ты и про него знаешь? Борькай – это разговор особый... Сильный знахарь был. Ездили к нему со всей округи. Лечил любую болезнь – и слаз, и крик, и собачью старость, и

боль зубную, головную, всякую. Рассказывали, что силу свою он обрёл так... Не с рождения же у него это объявилось. Был тут еще один известный... Ну не знахарь он, а предсказатель. Провидец, ворожец. Звали его Ерошкиным, но жил он не тут, а в Кувае – тут недалёко. Не слышал?

Стас покачал головой и подумал о Толяне. Он не хотел думать о нем, но тут вдруг вспомнил. А если бы не Федорыч? Что было бы с ним? Почему напарник его не вернулся, а ушел, кинул его тут? Но обида, которая всколыхнулась на секунду в его сердце, тут же начала оседать куда-то вниз, пока не пропала совсем. Его внутреннее состояние сейчас было таким, что не до обид, не до... нумизматики, одним словом.

– Вот по молодости дядя Борькай и этот самый Ерошкин угодили в тюрьму. Ну там какое-то мелкое, наверное, было, несущественное, раз их отпустили-то скоро. А с ними в одной камере сидел старичок, больной совсем, на вид слабый. Умирал он. И ребяташки стали за ним ухаживать: то водички, то хлебушка. Добро ему, значит, делали. И старик этот, как умирать, подозвал их к себе и говорит: «За добро добром отвечу. Я, ребяташки, силу в себе храню непомерную. Поделюсь с вами, возьмите, не побрезгуйте». И поделил. Одному, вишь, дал предсказание: видел он всё, наперёд угадывал, а другому, Борькаю-то, – лечение. Болезни исцелять мог. Так-то.

Федорыч сунул Стасу жирное крылышко, сам тоже, обжигаясь, надкусил горячую, пупырчистую кожу лесной птицы. Черное небо перечертила вспыхнувшая звезда. Затем еще одна.

– Примешь? Самогон это. Немного только, тебе много щас нельзя, – предложил старший. И они чокнулись кружками.

– Хочу сказать тебе, Стас, одну штуку, – снова заговорил машинист, после того, как они пригубили еще раз. – Потом, поутру-то, может, и не скажу. А меня это давить будет. Ведь вот когда вошел я в свою избу и увидел, что икону, бабушкино благословенье, кто-то на подоконник бросил, вниз ликом положил... И такое во мне взыграло, что аж страшно стало. Я словно всю мою обиду – вот за всё это, – Федорыч развел руки, будто хотел обнять темную тайгу, – снова почувал, ощутил. Взял я тогда свое ружьишко, наставил на дверь, и вот ей-богу – хорошо, что вы тогда не вернулись...

А ты, Стас, парень хороший оказался. Я ведь людей-то за версту чую. Не злой ты. Хотя Помаево-то тебя смотри как удружило-то... – Федорыч гоготнул, указывая на левую ногу собеседника. Но затем старик погрустнел.

– Вот, Стас, думаешь, что нельзя вернуть уж ничего? Я про село. Ведь вот всё хочу я избу свою восстановить: и крышу поправить, и колодец, может, налажу. И вот всё мечтаю: может, ненадолго это? Может, вернутся еще люди в Помаево, а я – вот, пожалуйста, здесь жду вас. Охранником, так сказать, работаю. А потом, думаю... А нахера, Стас? Ну кому это надо?.. А иногда... Иногда даже страшно делается, веришь?

Николай хлопнул еще четверть кружки – уже в одиночку. Становилось холоднее. Юному нумизмату захотелось в избу, веки его слипались сами собой. Змеиный яд, видно, еще бегал по крови, норовил

всё куда-то утащить – на ту, свою, змеиную сторону реальности.

– Почему страшно, спрашиваешь? Да потому, Стас, что не отпускает меня это место. Ведь я всё понимаю, анализирую, я ведь технарь – мне до сути добраться хочется, до того места, откуда начинается и крутится, до причины то есть. Вот ведь не только я тут родился и вырос. Куча народу. Да, конечно, приезжают сюда, на кладбище ходят – на праздники там, летом особенно, потому что добираться посуху удобнее. Но ведь избы-то своей здесь никто не сохранил, жить-то здесь никто не желает. А я не могу, Стас, меня вот ровно кто сюда приковал и отпускать не хочет. Люблю я эти места, люблю. Согласен. Но и боюсь. Помаева самого боюсь... Знаешь, как я здесь охочусь? О-о-о!.. Ведь я сто раз позволения спрошу, прежде чем... Э-э, я гляжу, Стасик, ты носом клюешь. Спать пора, спать пора. Завтра договорим, если что. Угу?

* * *

Но утро получилось суетливым: не до бесед. Они как-то второпях попили чаю, Федорыч помог пострадавшему от помаевских змей упаковать рюкзак и металлоискатель. Затем пошли в сторону церкви и выезда из бывшего села.

Прошлогодние колючки цеплялись за рюкзак, царапали джинсы, пытаясь задержаться идущих. Стас старался идти след в след за широкой спиной старого машиниста, который уверенно прокладывал путь, будто локомотив. В основном, они молчали. Лишь иногда проводник останавливался, кивал на какие-нибудь ничем не примечательные заросли и говорил: «Вот тут Покшаевы жили, а там – магазин стоял».

В одном только месте они задержались надолго – там, где бил Комариный родник. Федорыч снял с себя камуфляжную фуражку, наполнил ее ледяной водой и сделал несколько глотков.

– Попробуй. Такой воды нигде больше нет. Ты верь мне, я много родников за свою жизнь повидал – попробовал.

А потом – светло-зеленые бока старой девятки, на которых остались следы рук Стаса: машину они вызволили из колеи быстро, за десять минут. Дальше – грунтовка, асфальт, Никитино, Усть-Урень и – город.

– Телефон мой знаешь. Звони, если что, – Федорыч пожал студенту руку; растались они недалеко от железнодорожного вокзала, так как машинист торопился: ему скоро на смену. – Я в Помаево в этом году, наверное, еще разок смотаюсь. А дальше уж осень-зима, туда не доберешься. Если захочешь со мной – дай только сигнал. Угу?

До дома Стас трясся на трамвае, потому что с гудлом в маршрутке не поместишься. За грязным трамвайным окном всё было по-прежнему: городская, дневная, муторная суета, первые признаки которой проявились еще там, в Помаево, накатила на него, ловко и четко расправилась со всеми его воспоминаниями о пережитом. Уже через час он привычно хлебал свой кофе, пялился в экран ноутбука и думал о сентябре, учебе и Толяне.

И только вечером, когда он забрался под одеяло, левая нога неожиданно заныла. Стас вытянул

руку и похлопал по бедру пальцами. Опухоль совсем спала; синеватый оттенок на месте укуса тоже постепенно проходил.

А ночью, когда он вроде бы заснул, его руки кто-то коснулся. Стас открыл глаза и увидел сидящего на краю кровати смуглого Сеньку.

– Ну, я тебе говорил, что всё с тобой нормуль будет? А ты нюни распускал!

Студент слабо улыбнулся и решил было пристесть.

– Не-не, лежи, отдыхай, – смуглый зевнул и подпер кулаком свой подбородок. – У нас тут с Борькаем опять спор вышел. Он говорит, что ты вернешься, а я – что струсишь. В прошлый раз помнишь, кто победил?

Стас прикрыл глаза; смуглый его, конечно, раздражал, но нужных слов, чтобы правильно послать его, опять не нашлось.

Утром он про визит Сеньки забыл. На третий день они наконец встретились с Толяном, и юный нумизмат передал ему гудло. С тех пор, встречаясь в университете, они даже не здоровались.

Через две с половиной недели, в пятницу вечером, сотовый Стаса завибрировал, высветив номер старого машиниста. Студент смотрел на экран и не брал трубку. Потом почти час ходил из стороны в сторону, из зала на кухню. Разболелась левая нога, пульсация от нее начала отдавать в шею, и он прилег на диван.

– Мне там нечего делать, – говорил нумизмат вполголоса, не в силах думать про себя, – пусть он сам со своими гадюками якшается. Пошло всё нахер! Я не обязан, я не хочу! И не поеду...

Однако утром в субботу они с Николаем встретились возле железнодорожного вокзала. Уазик Федорыча был забит под завязку стройматериалами.

– Крышу подправлю, – объяснял старый машинист, вырывая на главную дорогу. – Дело к осени, а там дыры. Зальет всё к чертям собачьим. Пособишь?

И Стас кивал в ответ. Ему было действительно хорошо. Физически он точно оклемался, но помаевский змеиный яд, он это чувствовал, никуда не делся. Остался в его крови и бегал теперь от пяток до темечка по бесконечному кругу.

До заброшенного села они добрались после по-

лудня. Стас вылез из уазика, который Федорыч лихо припарковал возле остатков забора родной избы.

– Я шас, мигом, мне тут дело одно сделать надо! – сказал он и почти бегом побежал в сторону скопления берез.

– Под ноги смотри, нумизмат хренов! – кричал ему вдогонку машинист. – Я тебя назад на себе тащить не собираюсь...

На кладбище Стас вынул из кармана пару припасенных заранее конфет и положил их у основания креста. Затем посидел пару минут на скамейке с металлической спинкой.

– Только не думайте, – сказал он наконец, – что я вам тут скаковая лошадь: ишь ты, спорят они тут на меня, ставки делают. Как захочу, так и будет, понятно?! Я вам не охранник, пусть вон Федорыч вас охраняет!

* * *

На следующий год весной, как подсохло, Стас приехал в Помаево уже один. Добирался до Паркино на попутке, потом шел полями пешком. Федорыч умер в январе – от инсульта. Стас об этом узнал лишь через месяц от его сына.

Гость обошел все прежние места – и Белое озеро, и бывшую церковь (она еще стояла, но второй этаж совсем обвалился), и николаевскую избу, и даже побывал на берегу реки – в том самом месте, где его укусила гадюка. Переночевал он в доме, в котором теперь было намного уютнее: крышу они тогда с Федорычем основательно залатали.

– И не думайте, – в очередной раз повторял Стас окружающим стенам, шумящим без ветра деревьям, сверчкам и пульсирующим звездам, – что я тут охранником заделаюсь. Я Федорыча помянуть приехал. Только и всего.

И Помаево не возражало. Тут даже и спорить-то нечего. Никто никого не принуждает: приехал – и хорошо. Не забыл про нас – и то ладно.

Стас устроился поудобнее на покосившейся кровати, натянул до самого подбородка теплую куртку и, сложив ладони лодочкой, закрыл глаза. Всё-таки хорошо, когда левая нога не ноет и не болит. Нигде ему не спалось лучше, чем здесь – в родном Помаево...

